

Посвящается Дэш и Роми

ПРОЛОГ

18 апреля 2013, четверг

14: 30. Ну и разговор сейчас был! Телефонный. Звонила Талита. Говорила, как всегда, в этом своем излюбленном стиле «это-жуткий-секрет-ну-ты-сама-понимаешь...». Из всего она делает драму! Было бы что драматизировать. Хотя как посмотреть...

— Привет, дорогуша, — загадочно сказала она, — я хочу тебе сообщить... Двадцать четвертого мая мне исполнится шестьдесят. Разумеется, я никому не сказала, что мне шестьдесят... Но я надеюсь — уж ты-то постарайся быть. Только не болтай, я приглашаю не всех. В общем, на двадцать четвертое ничего не планируй. Договорились?

Меня скосило приступом паники.

— Это замечательно! — брякнула я. — То есть, я хотела сказать...

— Бриджит, ты должна прийти. Отговорки не принимаются.

— Но дело в том, что...

— В чем?

— Как раз двадцать четвертого — у Рокстера. День рождения! Ему исполняется тридцать.

На том конце линии повисло молчание.

— Нет, — заторопилась я, — я вовсе не хочу утверждать, что до тех пор мы все еще будем вместе! Но если все-таки будем... это как-то...

— Надо же. А я как раз заказала приглашения с предупреждением: «Приходить без детей».

— Но ему в самом деле исполняется тридцать! — Я еле сдерживала накотившее вдруг на меня бешенство. — Это, знаешь ли... — начала было я, но на всякий случай прикусила язык.

— Я просто шучу, милая. — Судя по голосу, она довольно улыбалась. — Разумеется, ты можешь приходить со своим мальчиком. Я поставлю ему в саду надувной замок¹. Ну все, меня зовут — пора в эфир. Я-побежала-целую-пока-до-встречи!..

Она дала отбой. Я тут же попыталась включить телевизор. Неужели Талита звонила из студии? Это было в ее манере — звонить мне во время прямого эфира, пока по телику крутят рекламные ролики. Но сейчас мне не скоро удалось это узнать. Минут пять я бессмысленно тыкала пальцами в кнопки этого дурацкого пульта — издевательское изобретение! — но так и не преуспела. С тем же успехом обезьяна, которой попал в лапы мобильный телефон, могла бы позвонить в Ватикан папе римскому. Какого черта, чтобы включить телик, нужны целых три пульта и вся эта сотня кнопок и кнопочек? Какой дьявол это придумал? Зачем?! Лично я думаю, что какие-нибудь тринадцатилетние технологички, засевавшие в полутемных спальнях с их вечным бедламом, подстроили это специально, чтобы все нормальные люди чувствовали себя круглыми идиотами каждый раз, когда им захочется просто посмотреть телевизор. А говорят, нет никакого мирового заговора! И вы еще будете спорить? В любом случае психологический ущерб, который наносят людям поделки этих прыщавых властели-

¹ Детский аттракцион в виде батута. (Здесь и далее — прим. переводчика).

нов мира — я имею в виду свой душевный мир, — не поддается никакой оценке — настолько он велик.

В бессильном остервенении я швырнула пульты на диван, и тут мне ободряюще улыбнулась Талита. Из телевизора. Он сам собой взял и включился — и как раз на кадре «улыбка ведущей зрителю». Такая профессиональная улыбка — «выигрышная». Она сидела, соблазнительно закинув ногу на ногу, и интервьюировала какого-то футболиста из Ливерпуля. Насколько мне помнилось, этот парень прославился тем, что во время матча укусил судью — его решение показалось ему несправедливым. Выглядела Талита, как всегда, не подкопаешься — должно быть, поэтому видок у парня был точно такой, как будто он был готов укунить и ее — по иной, конечно, причине.

Ну ладно, сердечные бури — дурной советчик. Надо просто сесть и спокойно, как подобает разумной, взрослой женщине, взвесить все аргументы, все «за» и «против»... Итак, тащить ли Рокстера на юбилей к Талите? Ну-с, попробуем...

АРГУМЕНТЫ «ЗА»

Во-первых, не пойти на вечеринку к Талите — это было бы просто ужасно! Мы с ней дружим с той самой поры, когда вместе работали на передаче «Британия у экрана». Причем Талита уже тогда была известной, почти знаменитой ведущей, а я — делающей первые неуверенные шаги неоперившейся горе-журналисткой.

Еще во-первых — будет презабавненько привести на вечеринку Рокстера. Его возраст (лет ему ровно вдвое меньше, чем стукнет Талите) может

враз лишит питательной почвы эту пошлую болтовню насчет «одиноких женщин в определенном возрасте». Ух, как надоели мне все эти разговорчики! Аж уши начинают чесаться! Да меня просто тошнит от этих ханжеских рассуждений! Ах, мол, как же несправедливо, что одинокие женщины под пятьдесят, как правило — да где они записаны, эти правила, покажите мне! — так и остаются одни, зато мужчины... Мужчины в этом возрасте идут нарасхват, еще прежде, чем они успевают оформить свидетельства о разводе! Кроме того, Рокстер выглядит так молодо, так свежо... Его жизнеутверждающий вид как бы отрицает саму возможность старения — в том числе моего.

АРГУМЕНТЫ «ПРОТИВ»

К слову сказать, Рокстер отнюдь не дурак. Так что он, и в этом нет никаких сомнений, будет категорически против, чтобы на него глазели, как на экзотический экспонат. Еще чего не хватало! Да и то, чтобы его принимали за демоверсию здорового образа жизни — этакий ходячий БАД, — ему не понравится.

Собственно говоря, наш совместный поход к Талите может и просто-напросто оттолкнуть его от меня. Чего проще? Вот он увидит, что я общаюсь с шестидесятилетними женщинами, — и задумается, а не слишком ли я для него... ммм... зрелая. Хотя я, конечно, намного — намного! — моложе Талиты. Но Рокстер все же может об этом задуматься... Что было бы совершенно не в моих интересах. Да и мне

самой, откровенно говоря, вовсе не хочется вспоминать, сколько мне лет. Как сказал Оскар Уайльд, тридцать пять — настолько подходящий для женщины возраст, что многие из них решают оставаться тридцатипятилетними до конца своих дней. И я не потороплюсь отнести себя к числу исключений...

А Рокстер, вероятно, планирует устроить собственную вечеринку и пригласить на нее кучу своих приятелей. Всей оравой они будут жарить на балконе шашлык и самоуглубленно — только им открыты настоящие глубинные истины! — ностальгировать под мелодии семидесятых. В этом случае Рокстер наверняка ломает голову, под каким предлогом можно было бы не приглашать на тридцатилетие меня, чтобы его дружки не узнали: красавчик Роксби встречается с женщиной, которая в буквальном смысле годится ему в матери. А то и в бабки — если, разумеется, принять во внимание современную акселерацию и раннее половое созревание, за которое следует благодарить гормоны — их то и дело обнаруживают в детском питании (теоретически, да и практически тоже, подобная ситуация вполне возможна. Оч. возможна!). О господи!.. Хотела бы я знать: почему я сейчас об этом подумала?

15:10. Р-р-р! Через двадцать минут мне нужно забрать из школы Мейбл, а я еще не дожарила рисовые хлебцы. А-а-а! телефон!

— Сейчас с вами будет говорить Брайан Катценберг...

Это мой агент! Самый настоящий литературный агент! Но если я сейчас буду с ним разговаривать, то точно опоздаю за Мейбл, причем опоздаю намного. Приходится принимать оч. непростое решение.

— Мне сейчас неудобно разговаривать. Можно я перезвоню вам минут через двадцать? — прощепетала я в трубку, пытаюсь намазать заменитель масла на хлебец, накрыть другим хлебцем и запихнуть все это в пакет с герметичной застежкой (а делать это одной рукой, любой подтвердит, я не вру, катастрофически неудобно.).

— Это насчет вашего сценария.

— Но я сейчас... Я на совещании! — Интересно, как я могу быть на совещании и в то же время сама сообщать об этом по телефону? Обычно о таких вещах приходится слышать от секретаря или помощника, так как человек, который и правда на совещании, по идее, просто не может говорить об этом сам.

Дальше был марафон за детьми в школу. Всю дорогу меня распирало желание перезвонить секретарше мистера Катценберга и спросить, в чем, собственно, дело. Брайан предложил мой сценарий уже двум продюсерским компаниям. Обе его отвергли, в смысле — сценарий. Но на этот раз, быть может, рыбка все-таки клюнула?

В какой-то момент я чуть было не позвонила Катценбергу — даже придумала, что можно сорвать насчет внезапно закончившегося «совещания». Но все же решила, что гораздо важнее вовремя приехать за Мейбл. Это, кстати, характеризует меня как заботливую, ответственную мать. Мне ну о-очень захотелось подумать о себе что-то хорошее.

16:30. Хаос возле школы оказался еще более густым, чем всегда. Примерно как на картинке в книге «Где Уолли?»¹. В одну мельтешащую кучу смешались десятки женщин с «леденцом»², младенцы в колясках, водители накрепко застрявших в пробке доставочных грузовичков, оч. умные и потому дико заносчивые мамы на внедорожниках, мужчины на велосипеде и с контрабасом за спиной, а также многочисленные мамы попроще — тоже на велосипедах, с передними багажниками, полными малышни. Улица была забита наглухо, пока какая-то растрепанная женщина не промчалась по мостовой с неистовым криком:

— Назад! Все назад! Поворачивай! Ни одних толковых мозгов в этой свалке!

Вообразив, что впереди, по-видимому, произошла какая-то ужасная авария, все — я в том числе — стали сдавать назад, выезжая на тротуары и в скверы, чтобы освободить проезжую часть для «Скорой помощи», пожарных, саперов и машин других экстренных служб. Я пыталась разглядеть, что же творится впереди. Но вместо «Скорой» по только что расчитившемуся проходу с ревом промчался черный «Порше». За рулем сидела модно одетая молодая женщина, рядом с ней на переднем сиденье я разглядела аккуратно причесанного и ухоженного мальчугана в пошитой на заказ школьной форме.

¹ Серия детских книг британского художника М. Хендфорда — на картинке среди многих людей нужно найти определенного человека, Уолли.

² Женщина-доброволец, регулирующая автомобильное движение возле школ; «леденец» — круглый знак «Стоп» на длинной рукоятке.

К тому времени, когда я наконец добралась до крыльца «нулевых классов», из всех подготовишек там топтались только Мейбл и ее приятель Телониус (за ним, впрочем, уже приехала его мать).

Мейбл посмотрела на меня большими серьезными глазами.

— Привет, старушка, — снисходительно приветствовала она меня.

— А мы уж гадали, куда вы запропастились! — так приветствовала меня мама Телониуса. — Вы что, опять забыли, что должны ехать за дочерью?

— Нет. Ха-ха-ха! — изображая веселую непринужденность, пояснила я, заметив удивленный взгляд матери Телониуса. — Ну, до свидания. Мне нужно торопиться, еще надо Билли забрать.

Каким-то чудом мне удалось довольно быстро усадить Мейбл в машину. Это было нелегко: пришлось согнуться в три погибели, а потом еще застегивать ремень безопасности, для чего шарить рукой в мусоре между спинкой сиденья и дополнительной детской подушкой¹.

Первым, кого я увидела возле корпуса начальной школы, была Лучшая Мамочка Класса, Безупречная Николетт (безупречный дом, безупречный муж, безупречные дети; единственным, что было в ней не безупречным, так это имя, которое родители выбрали для нее, скорее всего, задолго до того, как появились в продаже популярные пластырь и жевательная резинка от табачной зависимости). Прекрасно одетая, с идеально уложенной прической, Николетт стояла в окружении других

¹ Дополнительная подушка — специальная подушка сиденья, позволяющая детям использовать стандартные ремни безопасности.

школьных мамаш, держа в руках идеально подходящую к костюму (хотя и очень большую) сумку. Я подошла к группе и прислушалась, в надежде услышать последние школьные новости. Как раз в этот момент Николетт раздраженным жестом поправила волосы (при этом едва не выбив мне глаз окованным железом уголком сумочки) и сердито сказала:

— ...Я спросила, почему мой Аттикус до сих пор играет в защите. В последнее время он приходит домой буквально в слезах, до того ему хочется играть в нападение, — а этот мистер Валлакер мне и заявляет: «Потому что ваш сын ни на что другое не способен». Представляете?!

При этих словах я невольно бросила взгляд в сторону источника проблемы — нового школьного преподавателя физкультуры — высокого, подтянутого, коротко стриженного, примерно одного со мной возраста или чуть моложе. Мне он показался немного похожим на Дэниела Крейга. Учитель стоял неподалеку, мрачно наблюдая за группой хулиганистого вида мальчишек, которые делали приседания на краю футбольного поля, потом вдруг зашвырнул в свой свисток и крикнул:

— Эй! Достаточно! Марш в раздевалку, иначе получите желтую карточку!

— Ну, вы видели?! — Николетт с торжеством повернулась к нам, а мальчишки нехотя построились в подобие колонны и потрусили к школьному зданию, на ходу выкрикивая «ать-два, ать-два» в такт шагам, а мистер Валлакер подсвистывал им в свой свисток.

— А он ничего!.. Симпатичный, — заметила Фарция. Из всех классных мамаш она нравится мне